

ЖУРНАЛИСТИКА

УДК 070:93/94 (571.1)
DOI: 10.17223/19986645/66/17

А.Е. Мазуров, Н.В. Жилиякова

«КАРТИНКА МЕСТНОГО НАСТРОЕНИЯ»: ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ЗАПРЕЩЕНИЯ И СОДЕРЖАНИЕ ПЕРВОГО ФЕЛЬЕТОНА «СИБИРСКОЙ ГАЗЕТЫ» (1881)¹

Впервые анализируется содержание первого фельетона «Сибирской газеты» под названием «Очерки и картинки провинциальной жизни», который был запрещен к публикации в 1881 г., но сохранился в типографских оттисках газеты, представленных в Главное управление по делам печати. Выявляются обстоятельства запрещения фельетона, делается вывод о том, что этот сюжет повлиял на дальнейшую политику «Сибирской газеты» в отношении фельетонов.

Ключевые слова: «Сибирская газета», фельетон, цензура, сатирические жанры, художественно-публицистические жанры.

История дореволюционной сибирской журналистики постоянно находится в центре исследовательского внимания, о чем свидетельствует появление монографических работ, учебников и учебных пособий (см., например, [1–4] другие работы). Исследователями определены периоды развития журналистики Сибири конца XIX – начала XX в., выявлены основные тенденции развития, охарактеризованы ведущие издания этого периода. Тем не менее история сибирской журналистики время от времени дополняется новыми сюжетами, связанными с открытием новых изданий – таких, как, например, семинарские журналы [5], или с выяснением цензурных практик в отношении официальных сибирских газет – «Губернских ведомостей» [6] и т.д. К таким вновь выявленным фактам относится и сюжет, связанный с запрещением публикации первого фельетона «Сибирской газеты», который рассматривается в настоящем исследовании.

Целью работы является выяснение обстоятельств запрещения фельетона «Очерки и картинки провинциальной жизни» (Сибирская газета. 1881. № 11 – не опубликован) и анализ его содержания, возможный благодаря тому, что текст фельетона сохранился в типографском оттиске. Этот оттиск был предоставлен в Главное управление по делам печати и сохранился в материалах архивного дела «Об издании в Томске «Сибирской газеты»

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 19-012-00352А ««Секретно. Конфиденциально»: цензурная история провинциальной журналистики (на материалах периодической печати дореволюционной Томской губернии)».

[7]. Изучение этого сюжета проясняет редакционную политику «Сибирской газеты» в отношении публикации других фельетонов.

Краткая характеристика «Сибирской газеты»

«Сибирская газета», первая крупная частная газета Западной Сибири, издававшаяся в Томске в 1881–1888 гг., неоднократно становилась предметом исследовательского внимания. Ее история рассматривалась в контексте развития сибирской журналистики Л.С. Любимовым и Л.Л. Ермолинским [1, 8], взаимодействие «Сибирской газеты» с цензурным ведомством привлекало внимание Ю.Л. Мандрики [9], отдельные статьи посвящены известным участникам «Сибирской газеты» – Ф.В. Волховскому, К.М. Станюковичу, А.В. Адрианову [10, 11] и т.д.

Исследователи отмечают, что у «Сибирской газеты» имелся ряд особенностей, которые обусловили ее ведущее положение среди сибирских органов печати 1880-х гг. Прежде всего, это сильный авторский состав: в редакции газеты участвовали как представители местной сибирской интеллигенции (А.В. Адрианов, Г.Н. Потанин и др.), так и многочисленные политические ссыльные (Ф.В. Волховский, Д.А. Клеменц, С.Л. Чудновский и др.), и известные русские писатели, чьи судьбы оказались связанными с Томском (К.М. Станюкович, Г.И. Успенский, В.Г. Короленко, Г.А. Мачтет). «Сибирская газета» с первого года существования и до закрытия в 1888 г. «за вредное направление» была оппозиционным органом печати, она поддерживала областническое направление и следовала демократическим традициям российской журналистики. Газета считала своими ключевыми задачами формирование регионального самосознания и эстетическое развитие своего читателя.

Важной особенностью издания была «литературоцентричность», проявлявшаяся, с одной стороны, в постоянном внимании к вопросам литературы и искусства, с другой – в «литературности» самого газетного материала, в сочетании жанров публицистических, художественно-публицистических и художественных. Они встречались почти в каждом номере газеты: на страницах газеты публиковались стихотворения, рассказы, очерки, даже романы – роман-фельетон К.М. Станюковича «Не столь отдаленные места». Добавим, что художественные элементы – диалоги, метафоры, детали – встречались даже в новостных журналистских жанрах.

Одним из самых значимых для «Сибирской газеты» жанров был фельетон. Однако он далеко не сразу занял ведущее место в издании.

Фельетоны «Сибирской газеты»: неудачный «старт»

В 1881 г. «литературоцентричная» модель «Сибирской газеты» еще только формировалась, и в течение года в ней размещались в основном жанры информационные (телеграммы, хроники, корреспонденции) и аналитические (статьи, обзоры). Из художественно-публицистических жанров

был наиболее востребован очерк. Что же касается фельетонов, то в 1881 г. с большой долей условности к этому жанру можно отнести только материал «Игнатий Никитич (сибирский тип)» (СГ. 1881. № 22).

Несмотря на то, что фельетон был изначально заявлен в программе «Сибирской газеты», фельетонная рубрика появилась в ней только на втором году издания – и сразу же стала одной из самых популярных и востребованных среди читателей. Всего в «Сибирской газете» за время существования было опубликовано более 140 фельетонов, которые стали наиболее резонансными и обсуждаемыми материалами, сформировали своеобразное «лицо» издания.

Однако это только «видимая» часть фельетонной истории «Сибирской газеты». Изучение архивов Главного управления по делам печати, а именно дела «Об издании в Томске «Сибирской газеты», показало, что в действительности в 1881 г. была сделана попытка опубликовать фельетон. Он должен был войти в состав № 11 «Сибирской газеты», однако столкновение с местным цензором М.А. Гиляровым привело к тому, что этот выпуск газеты не вышел (подробнее об этой истории см.: [12]). В результате активной переписки с Главным управлением по делам печати в Петербург из Томска были отправлены типографские оттиски с правками М.А. Гилярова для оценки верности его действий.

Томским цензором были вычеркнуты из номера циркуляр нового министра, статья об инспекции народных училищ, отчет судебного заседания, перепечатки из изданий «Порядок» и «Правительственный вестник». В другие материалы М.А. Гиляровым были внесены правки, а на полях подписаны язвительные замечания, касающиеся содержания текстов. В число полностью вычеркнутых материалов попал и фельетон под названием «Очерки и картинки провинциальной жизни».

Редакция пыталась отстоять свой первый фельетон. Обратив внимание на то, что М.А. Гиляров подписал на корректуре рядом с ним «минуты вольного раздумья», редактор А.И. Ефимов и издатель П.И. Макушин писали начальнику Главного управления по делам печати: «...если даже смотреть на него так, как взглянул г. Гиляров, то есть как на написанный “в минуты вольного раздумья”, он не заслуживает запрещения по крайней мере безобидностью своего содержания. Это – картинка местного настроения, и можно не разделять наблюдений автора, но мешать ему высказать это наблюдение, по нашему мнению, не представляет никаких оснований» [7. Л. 18].

Однако это не привело к положительному результату. Фельетон не был опубликован ни в запрещенном № 11, ни в дальнейших номерах «Сибирской газеты».

Можно предположить: именно этот неудачный фельетонный «старт» привел к тому, что авторы газеты долгое время не решались вновь попробовать свои силы в этом жанре. Известно, что когда А.В. Адрианов уже в 1882 г. писал фельетонный цикл «По Сибири» (СГ. 1882. № 27, 30, 35), в редакции этот жанр воспринимался как опасный и чуть ли не революцион-

ный. В письме к Г.Н. Потанину от 17 июля 1882 г. Адрианов писал: «Мои фельетоны неохотно пропускаются редакцией, говорят, что годятся для «Земли и воли». Вот чудачки!» [13. С. 137]. Тем не менее со временем фельетон занял свое место в жанровой палитре «Сибирской газеты».

Автор неизданного фельетона «Сибирской газеты» пожелал сохранить анонимность – материал не был подписан. Определение автора также затруднено тем, что больше подобных материалов в газете в 1881 г. не было. Из редакторского состава в 1881 г. фельетон вполне мог принадлежать А.В. Адрианову, который спустя год заложил традицию освещения сибирской темы в сатирических жанрах. Также фельетон мог принадлежать и внештатному автору газеты Н.М. Ядринцеву, который в других своих работах часто делил местную публику на единичных носителей прогресса и обывателей, а провинциальным городам давал говорящие названия (Отдаленск).

Сюжет запрещенных «очерков и картинок»

Фельетон «Сибирской газеты», предназначенный к публикации в № 11, на первый взгляд не содержал в себе ничего особенно «криминального». Он носил нейтральное название «Очерки и картинки провинциальной жизни», имел подзаголовок «I»: вероятно, автором был задуман целый цикл подобных произведений.

Текст фельетона начинался с описания времен, «когда Россия переживала первые «трудные годы»... когда о новых веяниях еще не было ни слуху, ни духу» [7. Л. 24]. Автор подчеркивал: «Если я говорю: Россия переживала, то это значит, что «трудные годы» отразились и на многомиллионной провинции, и не только внутренних, а на всех вообще губерниях и областях» [Там же].

Автор фельетона выделял отличия «трудных годов» в «центре» и «в местах отдаленных». В центре «они протекали лихорадочно быстро, по военному – пиф! паф!.. и готово» [Там же]. Дальше от центра «военный элемент» уступал место «гражданскому», с опозданием и «ворчливым брюзжанием отставного лейб-компанца» [Там же].

Далее фельетонист обращался к общественной жизни некоего вымышленного города Отдаленска, «тоже по-своему прикосновенного к «трудным годам» [Там же]. До «трудных лет» в нем не было политических партий, «жизнь протекала вяло, монотонно»: «...вражда местных партий не мешала обывателям жить на мирном положении, состоять каждому при своих делах... разнообразясь «клубными историями» или невинными пререканиями женской половины правящих классов, или приездом какого-либо ловкого червонного валета, который сейчас же становился общим любимчиком прекрасного пола» [Там же].

По дальнейшему описанию «трудных лет» можно было предположить, что речь шла о 1880-х гг., о том кризисном состоянии российского общества, в которое оно погрузилось после царевубийства 1 марта 1881 г. Как писал автор, «но вот, сначала телеграф, а потом и почты начали приносить из цен-

тров известия о наступлении «трудных годов» [7. Л. 24], т.е. в Сибирь донесли новости о смерти Александра II от рук народовольцев.

Несмотря на отдаленность российских провинций от центра событий, местные жители были поставлены перед вопросом:

Как тут быть?.. Оставаться по-прежнему в мирном положении сочли – одни не патриотичным, другие не практичным – и порешили из мирных обывателей стать охранителями! Но кого охранять? Что охранять? От кого охранять? [Там же].

Автор констатировал: недоумение прошло быстро, «патриоты» и «практичные люди» решили охранять в Отдаленске «ту плесень и затхлость дореформенного порядка, которой сверху донизу переполнены все учреждения» для сокрытия «темных делишек» [Там же]. И те и другие нашли своего «врага», причем на этот вопрос, подчеркивал фельетонист, «отвечали разноречиво»:

Одни, любители выпивок, увеселений, карточных игр, указывали на какого-нибудь члена суда и шептали: «дичится всех, сидит дома, ни он водки выпить, ни он в картишки поиграть! Уж что-нибудь да это значит, что-нибудь да не так!..

Практичные люди, прежде всего ненавидящие гласность и обличения, начали шариться вокруг и разыскивать корреспондентов, а так как на лбу ни у кого не изображено, что сей человек есть корреспондент, то практичные люди причислили в лику врагов всех грамотных обывателей Отдаленска, читающих, думающих и, главное, не грабящих [Там же].

Характеристике «практичных людей» автор уделил значительное место в фельетоне. Он подчеркнул их дружбу с «особенными целями», принятую у практичных людей с «людьми сановными» и «крупными коммерсантами». Также автор отметил, что в Отдаленске практичных людей «один-другой, да и обчелся», но при этом в «глухой провинции» они могут играть существенную роль:

...они воспользовались «трудными годами» по-своему; прежде всего они начала нашептывать «сановным» друзьям (когда это было кстати и вовремя): «Слышали, Ваше-ство, такой-то написал корреспонденцию в Петербургскую газету об исправнике Нахрапове? Я Ваше-ство давно подозреваю, что он социалист!..» или: «Знаете, Михаил Иванович, ведь у нас в Отдаленске неспокойно, – и сам могу насчитать до сорока социалистов!..» и начинает перечислять всех, на кого почему-то имеет зуб [Там же].

Подводя итоги, автор давал неутешительный прогноз разворачивающейся ситуации, но все-таки завершал фельетон надеждой на проницательность «сановников» и населения:

Чем дальше продолжают «трудные годы», тем известия из центров становились мрачнее, тем отважнее становились практичные люди, тем выше поднимали они головы, тем клевета их делалась громче и наглее, – наконец им захотелось воспользоваться моментом и половить в мутной воде рыбку, они решились броситься на составление проектов к «умиротворению». Но жалкими лохмотьями напускнуной благонамеренности им

трудно было прикрыть свои грязные развращенные душонки... и рыбка пока не пошла на уд [7. Л. 24].

Таким образом, стало ясно, что текстом фельетона автор отсылал читателя к репрессиям, вызванным убийством Александра II. Известно, что А. Желябов, С. Перовская, Н. Рысаков, Т. Михайлов и Н. Кибальчич были публично повешены, а в Российской империи начал устанавливаться полицейский режим, опиравшийся на Положение об усиленной и чрезвычайной охране. Газета освещала эти события в основном по перепечаткам из столичной прессы, в фельетоне же попыталась сформулировать свое видение «злобы дня».

Приемы и методы сатиры в фельетоне «Сибирской газеты»

Неизвестный автор «Очерков и картинок провинциальной жизни» приложил немало сил для того, чтобы «замаскировать» злободневность своего фельетона. Только при определенных аналитических усилиях читатели могли понять, что фельетонист, рассказывая о неких давно прошедших «трудных годах», в действительности апеллировал к событиям, произошедшим в год написания материала – убийству императора Александра II и реакции на это со стороны обывателей и власти.

Исследуемый материал «Сибирской газеты» можно отнести к проблемному (публицистическому) и прозаическому фельетону. В нем описывались события, происходившие в Отдаленске – городе, на месте которого мог бы быть любой провинциальный город. Это, безусловно, было подражанием Салтыкову-Щедрину, создателю образа города Глухова как олицетворения российского дореволюционного города.

Автор в тексте не называл конкретных людей, он описывал типы – обывателей, «патриотов», «практичных людей», давая им развернутые характеристики. Так, автор видел опасность «практичных людей» с их стремлением все подчинить своей выгоде, ограниченностью и готовностью действовать, радикальным консерватизмом. Опасными были и их «сановные друзья», разделявшие с «практичными людьми» их идеи.

Публицистичность фельетону придавали оперативность – он должен был выйти буквально через месяц после царубийства – и открытая авторская позиция. В конце фельетона автор почти прямо озвучивал надежду на проницательность читателя.

В «Очерках и картинках провинциальной жизни» можно было выделить два направления сатиры – широкое и узкое.

Объектом сатиры в широком смысле слова служили ограниченность жителей Отдаленска, существующие в городе «плесень и затхлость дореформенного порядка». Этот объект являлся лейтмотивом не только данного фельетона «Сибирской газеты», но и ее публицистики в целом. Редакция прямо говорила об этом в первом номере издания: «Народное просвещение в Сибири, положение и нужды сибирского крестьянина и инородца и скорейшая перестройка старого, дореформенного порядка, начатая в Си-

бири с введением нового городского положения, будут главными задачами, над которыми «Сибирская газета» будет, преимущественно, трудиться» (СГ. 1881. № 1).

А пока главная задача – перестройка старого порядка – не решена, в жизни Отдаленска царят игра в карты, выпивка, ссоры дам, обсуждение остряков, «увеселительные прогулки за городом, где свободнее пилося и вольнее говорилось» [7. Л. 24].

Вторым, более узким объектом сатиры в фельетоне являлись «практичные люди» и их доносы для сохранения «темных делишек». Автор описывал их манеру знакомства:

Практичный человек всегда сумеет втереться в знакомство и дружбу с людьми сановными, крупными коммерсантами, с которыми он держится хотя и почтительно, но в тоже время на короткой ноге. Надо отдать должное практичному человеку в ловкости обхождения: он умеет вовремя хохотать до упаду, когда беседующий с ним крупный коммерсант чувствует позыв на остроумие, он готов плакать горькими слезами, когда генерал рассказывает трогательный эпизод из своей жизни [Там же].

В фельетоне автор прибегал практически ко всем существующим сатирическим приемам. Он часто использовал гиперболу, гротеск, тропы. Больше всего в фельетоне иронии, также в тексте часто встречаются риторические вопросы: «Как тут быть?», «Но кого охранять?», «Кто враги?» и др. [Там же].

Аллюзии и их расшифровки являлись основной частью текста. Читателю предстояло понять, что же за «трудные годы» описывает автор, какие события современности подразумевает. Много в тексте и аллегорий. В самом фельетоне автор также создавал собирательные образы – патриоты, практичные люди, корреспонденты. Стоит отметить, что расшифровка аллюзий усложнялась постоянно меняющимся временем «трудных годов», о которых автор говорил то в прошлом, то в настоящем времени.

Несмотря на аллюзии, вводимые автором, и намеренную обезличенность, фельетон освещал резонансную тему, был «острым» материалом, который должен был оперативно отреагировать на важное общественно-политическое событие и последствия – смерть императора Александра II и следующие за этим репрессии.

Выводы

Первый фельетон «Сибирской газеты», несмотря на усилия редакции представить его просто «картинками местного настроения», в действительности был злободневным, оперативным и острым откликом публициста на резонансные общественно-политические события России 1881 г. Все усилия фельетониста «зашифровать» его злободневность – отнести время фельетона к давно прошедшим «трудным годам», обозначить местом действия некий абстрактный город Отдаленск – не привели к желаемому результату. Можно констатировать, что М.А. Гиляров как цензор оказался в

этом случае «на высоте»: он смог увидеть потенциально «вредное» содержание фельетона и даже не стал пытаться исправить какие-то отдельные части текста – он вычеркнул его целиком из № 11 «Сибирской газеты».

Для редакции «Сибирской газеты» история с запрещением № 11 в целом и с запрещением публикации фельетона в частности оказалась довольно болезненным, но в дальнейшем ценным уроком. Она вынесла из него понимание границ дозволенного во взаимодействии с цензурой – и осознание необходимости более аккуратной работы с фельетонным текстом. Запрещенный фельетон «Сибирской газеты», хотя так и не увидел свет, но именно он во многом дал толчок и определил развитие жанра на страницах издания в дальнейшем. Опираясь на полученный опыт, фельетонисты «Сибирской газеты» А.В. Адрианов, а затем Ф.В. Волховский, Д.А. Клеменц, К.М. Станюкович смогли выйти на новый уровень фельетонной сатиры, который смог преодолеть «цензурный барьер».

Литература

1. Любимов Л.С. История сибирской печати : учеб. пособие. Иркутск : Иркут. гос. ун-т, 1982. 79 с.
2. Шинкарева А.П. Очерки истории издательского дела и печати Иркутска (1785–1920). Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2009. 433 с.
3. Евдокимова Е.В. История сибирской журналистики (конец XVIII – начало XXI вв.) : учеб. пособие. Новосибирск : НГПУ, 2013. 136 с.
4. Андреева А.А., Петрова О.А. История журналистики Тюменского региона (1789–1929) : учеб. пособие. Тюмень : ТюмГУ, 2013. 487 с.
5. Есипова В.А. Ученический журнал «Семинарская заря»: опыт типологического анализа по косвенным данным // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2019. № 60. С. 234–246.
6. Шевцов В.В. Цензурная практика в отношении губернских ведомостей Сибири // Цензура в России: история и современность. СПб., 2015. С. 192–205.
7. РГИА. Ф. 776. Оп. 12. 1880 г. Д. 71. 271 л.
8. Ермолинский Л.Л. Сибирские газеты 70–80-х годов 19 века. Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1985. 134 с.
9. Мандрика Ю.Л. Провинциальная частная печать: спорные вопросы становления периодики Сибири. Тюмень : ТГАКИ, 2007. 104 с.
10. Русские писатели в Томске. Томск : Водолей, 1996. 192 с.
11. Александр Васильевич Адрианов // Сибирское областничество: биобиблиогр. справ. Томск ; Москва, 2002. С. 211–226.
12. Жилиякова Н.В. Злой цензор, добрый цензор: специфика цензурирования первой частной газеты в Томске («Сибирская газета», 1881–1888 гг.) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2019. № 61. С. 256–270.
13. «Сибирская газета в воспоминаниях современников» / вступ. ст., подгот. текста и коммент. Н.В. Жилияковой ; науч. ред. Н.М. Дмитриенко. Томск : Изд-во НТЛ, 2004. 200 с.

“The Picture of the Local Sentiment”: The Circumstances of the Ban and the Content of the First Feuilleton of *Sibirskaya Gazeta* (1881)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2020. 66. 308–317. DOI: 10.17223/19986645/66/17

Alexander E. Mazurov, Natalia V. Zhilyakova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: rumatamonteg@gmail.com / retama@yandex.ru

Keywords: *Sibirskaya Gazeta*, feuilleton, censorship, satirical genres, artistic and journalistic genres.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 19-012-00352A.

The aim of the study is to clarify the circumstances of banning the feuilleton “Essays and Pictures of Provincial Life” and to analyse its content. This is possible due to the fact that the text of the feuilleton was preserved in a typographic copy. This print was sent to the General Directorate of Press and is preserved in the archival materials “On the Publication of *Sibirskaya Gazeta* in Tomsk”. The study of this plot clarifies the editorial policy of *Sibirskaya Gazeta* [Siberian Newspaper] regarding the publication of other feuilletons. In 1881, the “literature-centric” model of *Sibirskaya Gazeta* was only being formed, and during this year the newspaper mainly published informational (telegrams, chronicles, correspondence) and analytical (articles, reviews) genres. Essays were most in demand among the artistic and journalistic genres. As for feuilletons, in 1881, with a great deal of conventionality, only “Ignatiy Nikitich (A Siberian Type)” can be attributed to this genre. Feuilletons were originally announced in the programme of *Sibirskaya Gazeta*, but the feuilleton section appeared only in the second year of the periodical. It immediately became one of the most popular and demanded among readers. In total, over 140 feuilletons were published in *Sibirskaya Gazeta*; they became the most resonant and discussed materials, and formed a kind of a “face” of the periodical. The study of the archives of the General Directorate of Press, namely, the file “On the Publication of *Sibirskaya Gazeta* in Tomsk”, found that, in 1881, an attempt was made to publish a feuilleton. It was supposed to be published in No. 11 of *Sibirskaya Gazeta*, but after a clash with the local censor M.A. Gilyarov this issue of the newspaper was not released. The editors tried to defend their first feuilleton, yet they failed. The feuilleton was not published in the banned No. 11 and in the subsequent issues of *Sibirskaya Gazeta*. The material was not signed. Its attribution is also complicated by the fact that there were no more such publications in the newspaper in 1881. From the editorial staff in 1881, the feuilleton could belong to the pen of A.V. Adrianov, who laid the tradition of covering the Siberian theme in satirical genres, or to the pen of N.M. Yadrintsev, who often divided residents into single carriers of progress and ordinary people in his other works. The first feuilleton of *Sibirskaya Gazeta*, despite the editorial efforts to present it simply as “pictures of the local sentiment”, was in fact the burning, prompt and keen response of its author to the resonant sociopolitical events of Russia in 1881—the death of Emperor Alexander I. For the editors of *Sibirskaya Gazeta*, the story of banning No. 11 in general and publishing the feuilleton in particular came to be a rather painful and valuable lesson. The editors learnt the boundaries of what is permissible in interaction with censorship and the need for a more accurate work with feuilleton texts.

References

1. Lyubimov, L.S. (1982) *Istoriya sibirskoy pechati* [History of the Siberian Press]. Irkutsk: Irkutsk State University.
2. Shinkareva, A.P. (2009) *Ocherki istorii izdatel'skogo dela i pechati Irkutsk (1785–1920)* [Essays on the History of Publishing and Printing of Irkutsk (1785–1920)]. Irkutsk: Irkutsk State University.
3. Evdokimova, E.V. (2013) *Istoriya sibirskoy zhurnalistiki (konets XVIII – nachalo XXI vv.)* [History of Siberian journalism (late 18th – early 21st centuries)]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University.
4. Andreeva, A.A. & Petrova, O.A. (2013) *Istoriya zhurnalistiki Tyumenskogo regiona (1789–1929)* [History of Journalism in the Tyumen Region (1789–1929)]. Tyumen: Tyumen State University.

5. Esipova, V.A. (2019) The Seminarskaya Zarya student magazine: an experience of typological analysis by indirect data. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. – Tomsk State University Journal of Philology*. 60. pp. 234–246. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/60/15

6. Shevtsov, V.V. (2015) Tsenzurnaya praktika v otnoshenii gubernskikh vedomostey Sibiri [Censorship practice in relation to the provincial statements of Siberia]. In: Konashev, M.B. et al. (eds) *Tsenzura v Rossii: istoriya i sovremennost'* [Censorship in Russia: History and Modernity]. Saint Petersburg: RNB. pp. 192–205.

7. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 776. List 12. File. 71. Pages 1–271.

8. Ermolinskiy, L.L. (1985) *Sibirskie gazety 70–80-kh godov 19 veka* [Siberian newspapers of the 1870s–1880s]. Irkutsk: Irkutsk State University.

9. Mandrika, Yu.L. (2007) *Provintsial'naya chastnaya pechat': spornye voprosy stanovleniya periodiki Sibiri* [Provincial Private Press: Controversial issues of the formation of periodicals in Siberia]. Tyumen: Tyumen State Institute of Culture.

10. Yanushkevich, A.S. (ed.) (1996) *Russkie pisateli v Tomske* [Russian Writers in Tomsk]. Tomsk: Vodoley.

11. Bykova, S.S. et al. (ed.) (2002) *Sibirskoe oblastничество: biobibliograficheskiy spravochnik* [Siberian Regionalism: Biobibliographic reference book]. Tomsk; Moscow: Vodoley. pp. 211–226.

12. Zhilyakova, N.V. (2019) Bad censor, good censor: the specificity of censoring of the first private newspaper in Tomsk (Sibirskaya Gazeta, 1881–1888). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. – Tomsk State University Journal of Philology*. 61. pp. 256–270. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/61/15

13. Zhilyakova, N.V. (ed.) (2004) *“Sibirskaya gazeta” v vospominaniyakh sovremennikov* [“Sibirskaya gazeta” in the memoirs of contemporaries]. Tomsk: Izdatel'stvo NTL.